

М. Г. Данько

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БОЛЬНИЦЫ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Больница Всех Скорбящих – первая в России образцовая больница для душевнобольных – достаточно хорошо известна. Основанная в 1828 году императором Николаем I и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, больница принадлежала к Ведомству императрицы Марии, имела значительный собственный капитал и в начале XX века считалась одной из лучших психиатрических больниц Российской империи.

Наибольший интерес для исследования, на мой взгляд, представляет период истории больницы, хронологически примерно совпадающий со временем царствования императоров Александра II и Александра III, когда не публиковались отчеты больницы, и представление о ее состоянии дают, в основном, специальные медицинские издания второй половины XIX века, издания Ведомства императрицы Марии и архивные документы.

Найденные материалы позволяют сделать вывод о том, что период царствования императора Александра II был для больницы Всех Скорбящих отмечен постепенным упадком, дошедшим к началу 1880-х годов до глубокого кризиса.

Первый историк отечественной психиатрии А. Шульц писал: «Как бы удовлетворительно ни было впечатление, производимое этим довольно роскошно устроенным домом для помешанных, в особенности на того, кто руководствуется в своих суждениях лишь безукоризненною чистотою больницы Всех Скорбящих; но на посвященного в дело призрения помешанных она производит впечатление крайне неудовлетворительное.

Громадные здания, сады, парки, мастерские, ванны, водопроводы, библиотека, здание для кегельной игры, кухня и прачешная со своими паровыми машинами, хор музыкантов, – все это вместе по-видимому как бы затмевает все подобные устройства заграничных заведений; но все это есть не что иное, как замазка, прикрывающая хроническую, почти неизлечимую рану»¹. Для подтверждения столь резкой оценки Шульц приводит данные из отчетов больницы за 1859 – 1861 годы, свидетельствующие о том, что процент числа выздоровевших (от общего числа находившихся на излечении в больнице в течение года) составил от 2,3 до 4,7 %, в то время как в психиатрических больницах Западной Европы аналогичный показатель составлял от 20 до 35 %².

Главную причину того, что больница Всех Скорбящих «приносит обществу лишь ничтожную пользу», Шульц видел в неудачной системе управления больницей. Согласно Уставу больницы 1842 года ее управление было поручено почетному опекуну, члену Санкт-Петербургского Опекунского совета – человеку, весьма далекому от медицины вообще, а уж от психиатрии тем более. Однако именно он ре-

¹ Шульц А. Призрение помешанных в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1865. Кн. 1. Разд. III. С. 21.

² Там же. С. 22.

шал все основные вопросы жизни заведения: от него зависел прием больных, у него надо было спрашивать письменное разрешение на всякий расход и на любую перемену во внутреннем управлении.

Непосредственное распоряжение делами возлагалось на «контору», состоявшую из старшего врача и смотрителя. Формально они были равноправны, на деле же главным лицом являлся смотритель, которому по Уставу подчинялись эконом и все служащие по хозяйственной части, а также прислуга при больных. Деятельность старшего врача при таком положении дел часто парализовалась влиянием смотрителя.

К числу основных причин, способствовавших упадку больницы, можно отнести и недостаточное финансирование. Известно, что с середины 1860-х годов в силу объективных причин резко осложнилось финансовое положение самого Ведомства императрицы Марии, что не могло не отразиться на его учреждениях. Правда, юбилейное издание Ведомства «50-летие IV Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии», выпущенное в 1878 году, рисует картину полнейшего благополучия. (Любопытно отметить, что в статье, посвященной больнице Всех Скорбящих, данные о числе выздоровевших больных за 1859, 1860 и 1861 годы увеличены в 2 – 3 раза по сравнению с аналогичными, приведенными в статье А. Шульца)³.

Но вот летом 1882 года, по назначению Главноуправляющего канцелярией Ведомства, была проведена ревизия больницы. Она обнаружила полное расстройство ее административных дел. «Недостатки как во внешнем, так и административном устройстве больницы <...> требовали немедленного устранения: некоторые из больничных зданий пришли в полное разрушение, гигиенические условия, в которых находились больные, были в высшей степени неблагоприятны, размещение больных по отделениям было неправильное, в хозяйственной части заведения также царил неурядица»⁴.

После ревизии, проведенной членом Опекунского совета Владимиром Карловичем Пфелем (1826 – 1894), проверкой финансовых документов больницы за период с 1877 по 1881 год включительно занялась контрольная экспедиция Ведомства. Оказалось, что долги больницы за указанный период составили более 58 тыс. руб. (около половины годового бюджета больницы!)⁵. Опекунский совет принял решение оплатить долги из средств Ведомства, но, как подчеркнуто в тексте постановления, «по самой необходимости и на сей только раз»⁶.

20 ноября 1882 года последовало высочайшее разрешение на учреждение специальной комиссии из ведущих психиатров Санкт-Петербурга и лиц, сведущих в строительстве и хозяйственном управлении больницами, для выработки мер по переустройству больницы Всех Скорбящих. Председателем комиссии был назначен почетный опекун В. К. Пфель, ставший к тому времени управляющим больницей. «Означенная комиссия, ознакомившись с устройством больницы, признала, что она не соответствовала в то время цели своего назначения, потому что не имела характера ни благоустроенной лечебницы, ни приюта для душевнобольных», – такую

³ См.: Монографии учреждений Ведомства Императрицы Марии : Приложение к изданию «50-летие IV Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии». СПб., [1882]. Т. 3. С. 488.

⁴ Больница Всех Скорбящих в С.-Петербурге // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1887. Вып. 1. С. 338.

⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 2. Д. 30. Л. 311.

⁶ Там же. Л. 313.

справку дал Опекунский совет Ведомства императрицы Марии в одном из своих постановлений⁷.

В печать попали лишь немногочисленные и весьма скупые сообщения об этих событиях. Так, журнал «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии», сообщив в 1883 году о работе комиссии по преобразованию больницы Всех Скорбящих, пожелал больнице «лучшей судьбы, чем та, которая выпала в последнее время на ее долю. Имея все условия для самого солидного процветания, заведение это мало-помалу теряло свое значение и спало многие годы в летаргическом сне»⁸.

Более яркую и откровенную характеристику можно найти в опубликованном отчете больницы за 1909 и 1910 годы: «Осчастливленная Всемилюстивейшим вниманием Императора Николая I и имея в блестящую пору своего существования даже свой оркестр музыки, хор певчих, учителей гимнастики, танцев и т. п. роскошь, она [больница. – М. Д.] к 1883 году дошла до ужасного существования с проваливающимися полами в отделениях для больных, со стенами, не выдавшими ремонта, и больных и служащих, одетых в лохмотья»⁹. Видимо, спустя почти 30 лет, об этом уже можно было говорить открыто.

Опекунский совет Ведомства учреждений императрицы Марии, со своей стороны, возложил всю ответственность на медицинский персонал, отметив в одном из своих постановлений, что деятельность врачей характеризовалась «апатией и рутинной», что и способствовало упадку больницы¹⁰. Но это обвинение кажется более справедливым адресовать самому Опекунскому совету, члены которого, как и Главноуправляющий Ведомством, не могли не знать о тяжелом положении подведомственного им учреждения, однако почему-то в течение многих лет никаких мер не принимали.

Возможно также, что и управлявшие больницей почетные опекуны (а они сменились три раза за время царствования Александра II) не слишком ревностно относились к своим обязанностям. К тому же не стоит забывать, что больница находилась довольно далеко от города, на 11-й версте по Петергофской дороге, что делало частое сообщение с ней достаточно сложным.

В 1882 году Управление Санкт-Петербургских телефонов приступило к устройству телефонной сети в столице и предложило Опекунскому совету «абонироваться на телефон», что было отклонено «по ненадобности для Опекунского совета телефонных сообщений»¹¹. И лишь через 10 лет, в 1892 году, совет принял решение о выделении больнице средств для установки телефона.

Вероятно, одним из факторов, способствовавших усугублению неблагоприятной ситуации в больнице, было отсутствие гласности. О заведении, «имевшем счастье находиться под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством» (как было принято писать об учреждениях Ведомства императрицы Марии), просто невозможно было критически отзываться в широкой печати. По видимому, это бросило бы тень и на самих высоких покровителей.

В связи с этим хочется привести такой факт. Один из ординаторов больницы Всех Скорбящих Вильфрид Карлович Гехеве опубликовал (предположительно

⁷ Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4 : В 4 кн. СПб., 1895 – 1899. Кн. 2. С. 515.

⁸ Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1883. Вып. 1. С. 275.

⁹ Медико-хозяйственный отчет по больнице Всех Скорбящих в С.-Петербурге. 1909 и 1910 гг. СПб., [1911]. С. 8 – 9.

¹⁰ Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 1. С. 345.

¹¹ РГИА. Ф. 758. Оп. 2. Д. 29. Л. 296, 298.

в 1870 году) в немецком медицинском журнале отчет о своей заграничной командировке, в котором «представил довольно живой очерк тогдашнего положения больницы Всех Скорбящих по сравнению ее с заграничными заведениями»¹². Можно заключить, что в очерке была нарисована довольно неприглядная картина состояния больницы, так как из недавно обнаруженного в РГИА личного дела статского советника, доктора медицины В. К. Гехеве выяснилось, что следствием этой публикации для него стало суровое наказание – вынужденная отставка. В прошении на имя товарища Главноуправляющего IV отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии ординатор писал: «Заключительные страницы моего отчета о заграничном путешествии, в которых помещено описание Больницы Всех Скорбящих, вызвали неудовольствие моего Начальства. По распоряжению Его Императорского Высочества [принца П. Г. Ольденбургского. – М. Д.], мне передано приказание Опекунского Совета: подать прошение об отставке. <...>

Чистосердечно раскаиваясь в моем необдуманном поступке, навлекшем на меня неудовольствие моего Начальства, подчиняюсь постигнутому меня решению, но обращаюсь к доброму сердцу Вашего Превосходительства с всеподданнейшей просьбой во внимание к моей продолжительной службе, которой я посвятил все свои силы и частью даже здоровье, замолвить доброе слово пред его Императорским Высочеством в пользу смягчения постановленного решения»¹³. Но никакие просьбы не возымели действия. В. К. Гехеве был уволен от службы, «согласно прошению»¹⁴. Не было принято во внимание и то, что доктору Гехеве оставалось чуть более 3-х месяцев до выслуги пенсионного ценза. Дальнейшие его ходатайства о назначении пенсии Опекунский совет решил «оставить без удовлетворения»¹⁵.

Начало царствования Александра III стало переломным этапом в истории больницы Всех Скорбящих. Ведомство учреждений императрицы Марии еще в 1880 году перешло под покровительство цесаревны Марии Федоровны. Став императрицей, Мария Федоровна продолжала внимательно следить и направлять деятельность Ведомства. Положение в нем начало меняться к лучшему, что сказалось благотворно и на судьбе больницы Всех Скорбящих. Правда, перемены происходили очень медленно и трудно.

Назначенная в ноябре 1882 года комиссия по преобразованию больницы Всех Скорбящих представила большой план необходимых мероприятий, для осуществления которого требовалось 150 – 200 тыс. руб. Ведомство таких средств выделить не смогло. Деятельность комиссии была приостановлена, так как ее председатель В. К. Пфель, «не находя возможным управлять вверенным ему заведением в том запущенном состоянии, в каком оно находилось, отказался от должности почетного опекуна больницы»¹⁶. Вероятно, этим демонстративным поступком В. К. Пфель надеялся привлечь внимание Александра III к ее положению.

Других желающих взять на себя управление больницей Всех Скорбящих среди членов Опекунского совета, по-видимому, не нашлось, так что временное управление было возложено на Главноуправляющего канцелярией Ведомства¹⁷.

¹² Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1887. Вып. 1. Разд. IV. С. 340.

¹³ РГИА. Ф. 758. Оп. 16. Д. 56. Л. 122.

¹⁴ Там же. Л. 125.

¹⁵ Там же. Л. 141.

¹⁶ Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1887. Вып. 1. Разд. IV. С. 338.

¹⁷ РГИА. Ф. 758. Оп. 2. Д. 30. Л. 206.

Ведомство императрицы Марии решило приступить к постепенному преобразованию больницы, начав с устранения самых вопиющих недостатков в ее устройстве и управлении, к тому же не требовавших вложения больших средств. Самым важным шагом в этом направлении стало высочайше утвержденное 15 декабря 1883 года постановление Опекунского совета «Об изменении управления больницей Всех Скорбящих с 1 января 1884 года»¹⁸.

Опекунский совет, наконец, открыто признал неудачной систему управления больницей, при которой «врачебная и хозяйственная части одного и того же заведения находились в разных руках». Постановление, по примеру всех благоустроенных психиатрических заведений, упразднило существовавшую при больнице Всех Скорбящих «контору» и вводило должность директора (он же – главный врач), в руках которого теперь сосредоточивалось «ближайшее заведование административной, хозяйственной и медицинской частями больницы». Правда, отношения директора с почетным опекуном, управляющим больницей, по-прежнему определялись давно устаревшим Уставом 1842 года.

Новые правила предусматривали и значительные изменения в составе врачебного персонала. Вместо существовавших трех должностей ординаторов вводились две должности старших врачей (заведующих мужским и женским отделениями) и четыре должности врачей-ассистентов, в том числе одна – женщина-врач. Целью учреждения ассистентских должностей было создание из больницы Всех Скорбящих практической школы для специалистов (по примеру других образцовых заведений Ведомства).

Что касается должности директора больницы, то по новому положению он должен был иметь высшую медицинскую степень и известность как специалист по душевным болезням. Назначение его и увольнение производились по высочайшему утверждению. Должность директора была отнесена к V классу с назначением ему 5 000 руб. в год (2 500 руб. жалованья и 2 500 руб. содержания). Надо сказать, что такой высокий оклад в то время был определен Ведомством императрицы Марии только директору больницы Всех Скорбящих, «ввиду исключительной специальности этой больницы и нахождения ее не в центре столицы, а на 11 версте, за городом»¹⁹.

Журнал «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» в 1883 году отмечал, что самый важный вопрос заключается в том, кому придется в качестве директора осуществлять на деле преобразование больницы. Этот человек должен «сосредоточивать в себе не только административные способности, но и научные познания и энергию, долженствующие одушевлять и руководить врачей больницы»²⁰. И такого человека нашли. Первым директором больницы Всех Скорбящих с 1 января 1884 года стал Александр Евграфович Черемшанский (1838 – 1905). Он отвечал всем требованиям, кроме высшей медицинской степени, в связи с чем, вероятно, многие годы числился «исполняющим должность» директора. А. Е. Черемшанский имел большой опыт практической работы в Клинике душевных болезней под руководством проф. И. П. Мержеевского; с 1879 года он активно участвовал в работе Общества психиатров в Санкт-Петербурге, где избирался сначала секретарем, а затем в течение многих лет – товарищем председателя. Даже став директором больницы Всех Скорбящих и будучи чрезвычайно занятым чело-

¹⁸ Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 1. С. 345 – 348.

¹⁹ Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 2. С. 326.

²⁰ Вып. 1. С. 275.

веком, Черемшанский не пропустил ни одного заседания Общества психиатров, участвовал в работе различных комиссий и был одним из организаторов I съезда отечественных психиатров в Москве в 1887 году.

В связи с отказом В. К. Пфеля от управления больницей вся тяжесть работы легла на плечи директора А. Е. Черемшанского. В первые годы ему удалось многое улучшить в административном и хозяйственном устройстве больницы, а самое главное – в организации лечебного процесса.

Ввиду невозможности получения необходимых капитальных вложений от Ведомства императрицы Марии, основные усилия были направлены на поиск внутренних резервов: введена жесткая экономия, тщательно рассматривались и изучались все возможные способы к повышению доходов самой больницы. Так, в 1886 году была увеличена плата за лечение больных²¹. К этому времени в больнице содержалось 250 кроватей, из них 100 бесплатных, а 150 – за плату. Уставом больницы 1842 года была закреплена плата 5 руб. 15 коп. в месяц. К 1886 году эта сумма не покрывала даже расходов на питание больных, а общие расходы больницы на содержание одной кровати составляли более 39 руб. в месяц. Опекунский совет принял решение увеличить плату за лечение имущих больных до 10 руб., что было значительно меньше, чем в других городских больницах, и позволяло больнице Всех Скорбящих и в дальнейшем сохранять характер благотворительного заведения.

Для тех государственных и общественных организаций, которые желали иметь свои кровати в больнице Всех Скорбящих, была установлена плата в 20 руб. в месяц, что уже покрывало расходы на личное содержание больного и некоторую часть общих издержек больницы. В 1887 году на этих условиях был заключен договор с Санкт-Петербургской губернской земской управой о предоставлении ей 25 мест в больнице Всех Скорбящих на 5-летний срок²², в 1890 году количество мест для земских больных было увеличено до 50, а с 1896 года – до 70 в год. Это было выгодно для больницы, так как давало стабильный гарантированный доход.

В 1887 году вернулся на должность управляющего больницей В. К. Пфель и вновь приступила к работе комиссия по преобразованию больницы. С разрешения В. К. Пфеля была опубликована «записка» А. Е. Черемшанского о положении больницы Всех Скорбящих к 1887 году²³. Приведем лишь краткие сведения об устройстве больницы. Больные размещались в двух зданиях. Женщины располагались в т. н. «главном здании», одноэтажном в средней своей части и двухэтажном в боковых крыльях, построенных под прямым углом к бывшему дворцовому зданию и загибающихся внутрь также под прямым углом, образуя почти замкнутый прямоугольник. Мужчины размещались в т. н. «мужском флигеле», трехэтажном, имеющем вид короткой и широкой буквы «П». Оба здания соединялись между собой крытым двухэтажным коридором. Главное здание имело низкие сводчатые жилые подвалы. В этом подвальном этаже к 1887 году находились: кухня, пекарня и квасоварня для больных, две артельные кухни для прислуги, несколько кладовых и более 30 помещений с квартирами и углами для семейных служителей. В подвале проживало до 130 человек взрослых и 90 (!) детей. В некоторых помещениях приходилось менее 1 куб. сажени воздуха на человека.

²¹ См.: Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 2. С. 79 – 83.

²² Там же. С. 205.

²³ Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1887. Вып. I. Разд. IV. С. 342 – 352.

В обоих больничных зданиях преобладала система отдельных небольших комнат на 1-2 кровати. Спален на 5 кроватей в женских отделениях было только 2, залов для дневного пребывания – 8. В мужском флигеле было 12 спален на 5 кроватей, столовых – 3, комнат для дневного пребывания – 6, в том числе бильярдная и читальня на втором этаже. Ванн в женских отделениях – 6, ватерклозетов – 15; в мужских отделениях – 4 ванны и 7 ватерклозетов.

Нагревание воды производилось с помощью котлов и колонок, отопление печное (с топками в коридорах), что требовало замены, так как было крайне неудобно и опасно в заведении для душевнобольных.

Освещение – керосиновое, вентиляция – естественная (путем открывания дверей и форточек), что было совершенно недостаточно, особенно в отделениях для неопрятных больных.

План по переустройству больницы Всех Скорбящих, разработанный комиссией, предусматривал следующие основные мероприятия²⁴:

- 1) установку достаточного числа ванн;
- 2) устройство искусственной вентиляции с заменой системы отопления;
- 3) перевод из подвального этажа главного корпуса в отдельные помещения пекарни, квасоварни, а также проживавшей там прислуги обоего пола числом до 200 человек;
- 4) устройство помещений для пансионеров за повышенную плату.

Для осуществления этих мер был разработан перечень строительных работ на сумму в 150 тыс. руб. Опекунский совет, рассмотрев эти предложения и «признав осуществление их неотложно необходимым для приведения больницы Всех Скорбящих в благоустроенное состояние», постановил в июле 1889 года произвести эти расходы из запасного капитала больницы, «ввиду невозможности произвести этот расход из общих средств ведомства, по стеснительности финансового его положения».

Что касается устройства пансионерских помещений, то Опекунский совет еще в 1886 году, обсуждая меры по увеличению доходов больницы, признал желательным, по примеру других заведений для душевнобольных, устроить несколько отдельных комнат для пансионеров из «достаточных классов», с улучшенной обстановкой и за повышенную плату. В январе 1889 года было разрешено, в «виде опыта, <...> впредь на 3 года», открыть в больнице Всех Скорбящих (сверх существующего комплекта) 10 пансионерских помещений с платой по 60 руб. в месяц²⁵. Но уже в 1891 году пансионерских комнат было 15 и разрешено устроить еще 5.

В 1890 году Опекунский совет рассмотрел и утвердил предложение В. К. Пфеля о взимании 30 руб. с тех больных (находящихся в общих палатах), родственники или опекуны которых пожелают предоставить им такой же стол, что и у пансионеров. Эта мера, по мнению почетного опекуна, должна была благотворно отразиться как на физическом, так и на нравственном состоянии больных, а кроме того, больница получила бы и некоторую прибыль – до 75 руб. в год с каждого пансионера²⁶.

²⁴ См.: Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 2. С. 515 – 516.

²⁵ Там же. С. 439.

²⁶ См.: Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 4. Кн. 2. С. 614.

Действия руководства больницы по повышению ее доходов дали свои результаты. Так, если к 1887 году доля платы за содержание и лечение больных в доходах самой больницы составляла около 11 %, то в 1898 году – 50 % [рассчитано мною – М. Д.]²⁷.

Знаменательным в жизни больницы оказался 1893 год, в течение которого произошло несколько важных событий.

Во-первых, вышла из печати брошюра «Больница Всех Скорбящих Ведомства учреждений Императрицы Марии» на восьми страницах. Вероятно, таким образом предполагалось сделать в обществе рекламу больнице для привлечения состоятельных пациентов. Брошюра содержала краткие сведения обо всех сторонах жизни больницы: истории, системе управления, устройстве больничных зданий, хозяйственных постройках, садах и сельскохозяйственных угодьях, медицинском и административном персонале, количестве отделений для больных, числе прислуги по уходу за больными и по хозяйственной части, условиях приема в больницу и плате за содержание. Сухая информация создавала в целом благоприятное впечатление и вызывала доверие к лечебному заведению.

В том же году больница Всех Скорбящих в составе Ведомства учреждений Императрицы Марии участвовала во Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго. Пресса того времени сообщала: «С особым интересом рассматривались посетителями выставки, между прочим, фотографии больницы Всех Скорбящих для душевнобольных, изображающие, напр., отделения буйных, больных в спальнях, в столовых, в переплетной мастерской, на полевых работах и в саду, сцену карточной игры трех душевнобольных с доктором, театральную залу больных, музыкальные их занятия, игру на бильярде и т. п.»²⁸

Одновременно больница приняла участие в I Всероссийской гигиенической выставке, проходившей в Санкт-Петербурге, где представила рукодельные работы больных и образцы больничной одежды²⁹.

И наконец, в 1893 году исполнилось 10 лет деятельности Александра Евграфовича Черемшанского на посту директора больницы Всех Скорбящих. В адресе, поднесенном ему по этому случаю, было сказано: «Не нам, врачам, говорить о том, что Вы сделали за это время для больницы: труды Ваши для всех очевидны, перечислять их было бы слишком долго, они у всех на глазах»³⁰.

Все вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о том, что к 1893 году, благодаря усилиям директора А. Е. Черемшанского и почетного опекуна В. К. Пфеля, больница Всех Скорбящих вышла из того глубокого кризиса, в котором она находилась к началу 1880-х годов.

В ноябре 1893 года управляющим больницей Всех Скорбящих был назначен почетный опекун генерал-лейтенант Константин Устинович Арапов (1831 – 1916). Как и В. К. Пфелю, ему было суждено сыграть значительную роль в судьбе больницы благодаря деловым качествам и связям в придворных кругах.

В 1894 году императрица Мария Федоровна передала в больницу Всех Скорбящих 3 000 руб. из пожертвований на благотворительные цели. На эти средства

²⁷ См.: Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1887. Выпуск I. Раздел IV. С. 353; Отчет больницы Всех Скорбящих за 1898 год. СПб., 1901. С. 13.

²⁸ Адеркас О. К. Отдел Ведомства учреждений Императрицы Марии на Всемирной Колумбовой Выставке 1893 г. в Чикаго: Извлечение из отчета. СПб., 1894. С. 59.

²⁹ Образование. 1893. № 9. С. 158.

³⁰ Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1905. № 8 – 9. С. 656.

в 1895 году на первом этаже главного здания был устроен роскошный театральный зал, названный Мариинским. Вот как его описывает врач-ассистент больницы Всех Скорбящих В. В. Чехов: «Украшенный и прекрасно меблированный этот зал является в настоящее время одним из лучших в подобных больницах <...>. Сцена <...>, прекрасно украшенная с внешней стороны бюстами и драпировками <...>, с занавесом, <...> рисованным на полотне специалистом декоратором, с удобной суфлерской будкою и рампою, наконец, обладая прекрасными декорациями, полученными больницею по ходатайству господина Почетного Опекуна из Михайловского Дворца, <...> представляет в настоящее время одну из изящнейших домашних сцен, имеющих в больницах»³¹. С 1896 года на этой сцене давали концерты и спектакли артисты императорских театров под руководством Марии Гавриловны Савиной. Выступали Варламов, Стрельская, Левкеева, Фриде, Преображенская, Легат, Бекефи, Кшесинский и многие другие.

8 июля 1897 года больницу посетила сама вдовствующая императрица Мария Федоровна в сопровождении великого князя Михаила Николаевича, чтобы присутствовать на освящении нового каменного больничного здания, рассчитанного на 60 – 70 больных. Здание получило название Николаевского павильона и было украшено надписью «В память милосердия Императора Николая I, основателя больницы Всех Скорбящих»³².

В 1897 году вышла из печати книжка журналиста Александра Чехова «I. Призрение душевнобольных в Санкт-Петербурге», содержащая обзор всех психиатрических заведений столицы. Больнице Всех Скорбящих в этой работе посвящены несколько страниц восторженных описаний. Автор относит больницу Всех Скорбящих к разряду «прекрасных заведений», наряду с Домом призрения императора Александра III (в Удельной) и Николаевским военным госпиталем³³. А в 1901 году был опубликован (после полувекового перерыва?) «Отчет больницы Всех Скорбящих за 1898 год», составленный ее директором А. Е. Черемшанским. И этот факт свидетельствует о том, что к концу 1890-х годов больница Всех Скорбящих не только вышла из глубокого кризиса, но и начала успешно развиваться, что позволило ей вновь занять достойное место в ряду лучших лечебных заведений России.

³¹ Чехов В. В. Об устройстве увеселений для душевнобольных (Страничка из быта домов для умалишенных) // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. 1898. Т. 31. № 2. С. 36 – 37.

³² Собрание узаконений Ведомства учреждений Императрицы Марии. Т. 5 : В 5 кн. СПб., 1897 – 1916. Кн. 1. С. 425.

³³ Чехов Александр (А. Седой). I. Призрение душевнобольных в Санкт-Петербурге. СПб., 1897. С. 96 – 108.